

УГОЛОВНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ СОПРЯЖЕНИЯ

Лукашов Алексей Ильич, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Анализ законодательных актов, регулирующих применение мер уголовно-правового воздействия и мер административно-правового принуждения, принятых в последние два десятилетия, показывает, что увеличился и не имеет тенденции к снижению массив законодательных решений, свидетельствующий об усугубляющихся противоречиях между уголовным законом и законодательством, предусматривающим применение мер административно-правового принуждения к лицам, совершившим административные правонарушения. В основе этих противоречий лежит, как справедливо отмечают исследователи, «отсутствие грани между преступлением и правонарушением» [1, с. 151], отсутствие четко очерченных законодателем границ, разделяющих меры уголовно-правового воздействия и меры административно-правового принуждения.

Административное принуждение как направление деятельности государства и как система мер принуждения, применяемых государством, стало предметом самостоятельного исследования представителями науки советского административного права в середине прошлого века [2; 3; 4; 5 и др.] и продолжается по настоящее время.

Несмотря на несовпадение точек зрения на содержание мер административного принуждения, видов этих мер, наименования и сфер применения, их объединяет связь с административным правонарушением.

Применение мер административного принуждения так или иначе связано с административным правонарушением. При этом меры административного принуждения могут применяться как в связи с фактом совершения конкретного административного правонарушения, так и вне связи с ним, а с целью предотвращения (предупреждения) совершения административных правонарушений.

Так, например, акцентируя внимание на целях использования, способах обеспечения правопорядка и общественной безопасности и с учетом специфики возникающих при этом правоотношений, особенностей применяемых мер административно-правового принуждения, Ю. М. Козлов и Л. Л. Попов выделяют четыре группы таких мер:

- 1) меры административного предупреждения (административно-предупредительные меры);
- 2) меры административного пресечения (административно-пресекательные меры);

- 3) меры административно-процессуального обеспечения;
- 4) меры административного взыскания [6, с. 300].

Схожую систему мер административно-правового принуждения предлагает А. А. Цуран:

- 1) меры административного предупреждения;
- 2) меры административного пресечения;
- 3) меры административной ответственности;
- 4) процессуально-обеспечительные меры [7, с. 49].

Впечатляет количество и разнообразие самих мер административно-правового принуждения, используемых в национальном законодательстве. Назовем лишь некоторые из них: таможенный досмотр, предполетный досмотр, проверка документов, наложение ареста на имущество, карантин, изъятие вещей и документов, блокировка колес транспортного средства, закрытие участков границы, задержание и принудительная отбуксировка (эвакуация) транспортного средства, отстранение от управления транспортным средством, приостановление деятельности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Названные и иные меры административно-правового принуждения предусмотрены немалым числом законодательных актов Республики Беларусь и международных договоров Республики Беларусь (Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — ПИКоАП), Таможенный кодекс, Воздушный кодекс и др.). Они касаются ограничения прав и свобод как физических, так и юридических лиц.

Вопрос о соотношении уголовно-правового воздействия и административного принуждения лежит в плоскости соотношения мер уголовно-правового воздействия лишь с мерами административной ответственности (мерами административного взыскания) (предусмотрены Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП) и законодательными актами Президента Республики Беларусь) и сопровождающими их мерами административного пресечения и мерами обеспечения административного процесса (мерами административно-процессуального обеспечения, процессуально-обеспечительными мерами) (предусмотрены ПИКоАП и иными законодательными актами).

Отдельные принципиальные указания относительно того, как следует проводить «водораздел» между нормами уголовного закона и нормами административно-деликтного права (КоАП и законодательные акты Президента Республики Беларусь об административной ответственности), содержатся в Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 10.04.2002 № 205 «О Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь» (далее — Концепция 2002 г.) [8].

Так, в частности, согласно п. 47 Концепции 2002 г. при принятии КоАП необходимо было:

– определить новые понятия и принципы административной ответственности, концептуально соответствующие Уголовному кодексу (далее — УК) Республики Беларусь;

– согласовать максимальные размеры штрафных санкций за совершение административных правонарушений физическими лицами с минимальными размерами штрафных санкций, предусмотренными Общей частью УК;

– согласовать построение и содержание особенных частей КоАП и УК.

Многое из предусмотренного этой Концепцией реализовано. Вместе с тем имеется немало принципиальных вопросов, указывающих на несопряжение между собой норм уголовного закона и законодательства об административных правонарушениях. Одно из них касается не включенной в ст. 2.1 КоАП нормы ч. 2 ст. 9 КоАП 1984 г., предусматривавшей, что «административная ответственность за правонарушения, предусмотренные статьями Особенной части настоящего Кодекса, наступает, если эти правонарушения по своему характеру не влекут за собой в соответствии с действующим законодательством уголовной ответственности».

Данная норма позволяла разрешать коллизии между уголовным законом и КоАП в части определения вида противоправности деяния (преступление или административное правонарушение) в пользу применения уголовного закона. Вполне обоснованно можно ставить под сомнение разрешение указанной коллизии в пользу уголовного закона, но отказ от названного критерия как такового явно не согласуется с принципами законности, справедливости и определенности запрета, подкрепляемого административно-правовой или уголовно-правовой санкцией. Притом что такие коллизии как были в момент принятия КоАП [9, с. 52], так и существуют по настоящее время [10; 11, с. 26]. И число их не уменьшается ввиду активных изменений и дополнений УК и КоАП (с момента принятия этих кодексов по настоящее время вступили в силу соответственно 67 и 78 законов, вносящих в них коррективы).

В связи с отсутствием в КоАП нормы, определяющей порядок разрешения коллизии между законодательством об административных правонарушениях и уголовным законом, этот вопрос будет решаться в каждом конкретном случае по-разному, в том числе в соответствии с правилами, предусмотренными ч. 10 ст. 10 и ч. 2 ст. 71 Закона Республики Беларусь от 10.01.2000 № 361-З «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» (далее — Закон № 361-З): «...новый нормативный правовой акт имеет большую юридическую силу по отношению к ранее принятому (изданному) по тому же вопросу нормативному правовому акту того же государственного органа (должностного лица)», а «в случае коллизии между нормативными правовыми актами, обладающими равной юридической силой, и если ни один из них не противоречит акту с более высокой юридической силой, действуют положения акта, принятого (изданного) позднее» [12]. Имеются и иные заслуживающие одобрения *de lege ferenda* к разрешению указанной коллизии между уголовно-правовой и адми-

нистративно-правовой нормами в части определения противоправности деяния, согласно которым до законодательного их разрешения содеянное должно признаваться административным правонарушением [13, абз. 127].

Противоречиво в белорусском законодательстве решен вопрос об основаниях административной и уголовной ответственности.

Нормы ч. 6 ст. 4.2 КоАП, взятые в системном единстве с другими нормами Общей части КоАП, указывают на то, что основанием административной ответственности физических и юридических лиц является совершение ими административного правонарушения.

Согласно ст. 10 УК основанием уголовной ответственности является совершение физическим лицом преступления.

Приведенные нормы КоАП и УК содержатся во вторых разделах Общей части этих кодексов, посвященных принципам, основаниям и условиям указанных видов ответственности. Эти нормы изложены в Общей части КоАП и УК в виде норм-принципов, которым должны следовать иные положения названных кодексов.

В основе обоих видов ответственности лежит совершение лицом деяния, содержащего все признаки состава соответствующего административного правонарушения или преступления.

Такое деяние имеет различную величину общественной опасности и ввиду этого предусмотрено различными кодексами в вполне определенном качестве: оно является либо административным правонарушением, либо преступлением. При таком концептуальном решении рассматриваемого вопроса невозможно применение административной ответственности за преступление и, наоборот, уголовной ответственности за административное правонарушение.

Однако отдельные нормы КоАП и УК находятся в противоречии с приведенными нормами-принципами.

Так, в ст. 6.5 и 6.6 КоАП делается ссылка на применение административной ответственности за совершение преступления в случаях, предусмотренных ст. 86 УК. Статья 86 УК предусматривает административную ответственность лица, совершившего преступление, в отношении которого принято решение об освобождении от уголовной ответственности. В противоречии с предписаниями ч. 1 ст. 1 УК, определяющей предмет регулирования этого Кодекса, за совершение преступления установлены виды и размеры административных взысканий, которые могут налагаться на такое лицо. Соответственно в ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК) вводится правило о прекращении производства по уголовному делу и освобождении лица от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания судом, прокурором или следователем с согласия прокурора. Отсутствие в ПИКоАП и УПК норм, определяющих процедуры такого прекращения производства по уголовному

делу и наложения административных взысканий, отчасти компенсируется разъяснениями Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, данными в постановлении от 29.03.2012 № 1 «О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» [14].

Указанные нормы ст. 6.5, 6.6 КоАП, ст. 86 УК и ст. 30 УПК сопряжены между собой, но противоречат предмету правового регулирования указанных кодексов, недвусмысленно и ясно определенному в ст. 1.1 КоАП, ст. 1 УК и ст. 1 УПК. Применение административной ответственности за совершение преступления в указанном порядке подвергалось обоснованной критике и со стороны белорусских административистов [15, с. 30–32].

Концептуальные положения об основаниях административной и уголовной ответственности не были приняты во внимание законодателем в конце 2010 г., когда посредством корректировки ч. 7 ст. 4.8 КоАП основанием административной ответственности юридического лица было признано преступление, за совершение которого должностное лицо этого юридического лица привлечено к уголовной ответственности: «...привлечение к административной или уголовной ответственности должностного лица юридического лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо» [16].

Одно и то же деяние не может быть одновременно преступлением (применительно к должностному лицу) и административным правонарушением (применительно к юридическому лицу). Утверждение обратного, узаконенное в ч. 7 ст. 4.8 КоАП, противоречит принципам как административной ответственности, закрепленным, в частности, в ст. 2.1, 3.5, 4.2, 4.8 КоАП, так и уголовной ответственности, изложенным, в частности, в ст. 1–3, 10, 11 УК. Критикуя норму ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ, положения которой были использованы при конструировании нормы ч. 7 ст. 4.8 КоАП, российские исследователи не без оснований называют ее «“геноцидом” юридического лица», которым «предопределено “расплачиваться наличными”» (*имеются в виду штрафные санкции, которые применяются к юридическим лицам. — Авт.*) за широкий спектр административных правонарушений и преступлений, совершаемых физическими лицами» [17, с. 23].

В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 22.11.2010 № Р-515/2010 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь “О внесении дополнений и изменений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях”» новелла ч. 7 ст. 4.8 КоАП не упоминается [18]. Практика же применения ч. 7 ст. 4.8 КоАП оправдывается далекими от права и принципа законности соображениями целесообразности: «...привлечение к ответственности юридического лица и его должностного лица за одно и то же деяние,

независимо от того квалифицируется оно как административное правонарушение или уголовное преступление, является крайней мерой, применяемой в строго установленных законодательством случаях» [13, абз. 118].

В УК сохранена известная еще с советских времен административная и дисциплинарная преюдиция. Признаки, ее отличающие и присущие всем преступлениям с преюдицией в Особенной части УК, изложены в самостоятельной статье Общей части УК (ст. 32). Однако уголовный закон так и не избавился от застарелой болезни законодательного регулирования преюдиции, выражающейся в отсутствии указания на то, с какого момента начинает действовать признак преюдиции, с какого момента начинает течь указанный в уголовном законе годичный срок действия преюдиции.

Словосочетание «если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение» может быть истолковано по-разному, что и имеет место в науке уголовного права и правоприменении. Дату наложения административного, дисциплинарного взыскания можно связывать с датой его наложения (вынесения соответствующего процессуального акта), а можно ориентироваться на дату вступления в силу процессуального акта, которым на лицо было наложено административное взыскание.

Неурегулированность этого вопроса в ст. 32 УК привела к тому, что истолковать приведенную выше норму взялся Верховный Суд Республики Беларусь в одном из постановлений, посвященных судебной практике по делам о транспортных преступлениях. В п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 01.10.2008 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ст. 317–318, 321 УК)» по этому поводу указано, что преступные деяния, ответственность за которые установлена ч. 1 ст. 317¹ УК, характеризуются умышленной формой вины и могут выражаться в совершении любого из предусмотренных ею альтернативных действий повторно в течение года после наложения административного взыскания за такие же нарушения независимо от того, вступило постановление о наложении административного взыскания в законную силу или нет [19]. Практическая полезность нормативного решения таких вопросов Верховным Судом Республики Беларусь не может быть поставлена под сомнение, чего нельзя сказать о возможных упреках высшему судебному органу общих судов относительно принятия им на себя функций законодателя в ситуации пробела в законе, который может быть разрешен только законом, а не подзаконным нормативным правовым актом, которым является постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

Давая указанное разъяснение применительно к данному частному случаю, имеющему отношение к норме ч. 1 ст. 317¹ УК, Верховный Суд Республики Беларусь воспроизвел общий подход, применяемый органами уголов-

ного преследования и судами к решению рассматриваемого вопроса по всем делам о преступлениях с административной, дисциплинарной преюдицией.

Между тем этот подход едва ли согласуется с предписаниями КоАП и ПИКоАП, согласно которым лицо признается де-юре наказанным в административном порядке с момента вступления в силу постановления о наложении административного взыскания.

Автор данной статьи с учетом специфики комментариев к Уголовному кодексу, ориентирующихся на сложившуюся судебную практику, указывал, что точкой отсчета указанного годового срока избирается дата вынесения соответствующего постановления о наложении административного или дисциплинарного взыскания [20, с. 99]. Вместе с тем осталась неизменной выраженная еще во второй половине 90-х годов прошлого века наша принципиальная позиция, не подверженная конъюнктурным воздействиям, обусловленным сложившейся судебной практикой. Эта позиция заключается в том, что лицо надлежит считать подвергнутым административному или дисциплинарному взысканию со дня вступления в силу акта о наложении мер административного или дисциплинарного взыскания [21, с. 85].

Нормы УК об уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией не согласуются и с предписаниями КоАП, устанавливающими срок, в течение которого лицо, подвергнутое административному взысканию, признается наказанным в административном порядке.

Уголовный закон оперирует сроком, равным одному году, исчисляемым со дня наложения административного взыскания. Между тем в соответствии со ст. 2.8 КоАП физическое или юридическое лицо считается не подвергавшимся административному взысканию, если в течение одного года со дня окончания исполнения основного и дополнительного административных взысканий не совершит нового административного правонарушения.

Другими словами, в КоАП точкой отсчета годового срока избран не день наложения административного взыскания, а день окончания исполнения основного и дополнительного административных взысканий, наложенных на лицо.

Как представляется, вопрос о сроках действия административной преюдиции более удачно с принципиальных позиций органичного сопряжения уголовной и административной ответственности решен в законодательстве Российской Федерации, хотя, надо признать, и не во всех случаях, предусмотренных в УК, в связи с чем не без оснований в российских литературных источниках ставится вопрос о целесообразности использования разных законодательных конструкций для описания одного и того же юридического явления, как административная преюдиция [22, с. 131].

Российский законодатель при принятии УК в 1996 г. отказался от административной и дисциплинарной преюдиции, однако в последние годы вновь возродил ее. В настоящее время в Особенной части УК Российской Федерации имеется девять статей с административной преюдицией (ст. 116.1, 151.1,

157, 158.1, 215.4, 212.1, 264.1, 284.1, 314.1), в которых в качестве специального субъекта преступления признается лицо, подвергнутое административному наказанию² за аналогичное деяние. В примечаниях к трем из указанных статей УК РФ дается законодательное определение того, кого следует признавать лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние. Лицо признается подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию.

Срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, определяется в КоАП РФ.

В первоначальной редакции ст. 4.6 КоАП РФ было предусмотрено, что лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию в течение одного года со дня окончания исполнения постановления о назначении административного наказания. Однако Федеральным законом от 23.07.2013 № 196-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 28 Федерального закона “О безопасности дорожного движения”» ст. 4.6 КоАП РФ изложена в новой редакции, в соответствии с которой «лицо, которому назначено административное наказание за совершение административного правонарушения, считается подвергнутым данному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления» [23].

Таким образом, на законодательном уровне вопрос о сроке действия административной преюдиции, пусть и не во всех статьях УК РФ, решен принципиально верно и исчерпывающим образом.

Состояние наказанности в административном порядке (признак административной преюдиции) определено в УК РФ как признак специального субъекта преступления. Установлен срок действия административной преюдиции (один год), точно определена дата начала течения срока действия административной преюдиции (день вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания), равно как и дата окончания этого срока (день истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления).

Такой подход к исчислению срока наказанности в административном, дисциплинарном порядке (срока действия административной, дисциплинарной преюдиции) был предложен автором данной статьи еще в 1990 г. [24, с. 20], а в дальнейшем использован для изложения *de lege ferenda* в виде соответствующей статьи в Общей части УК [21, с. 88]. Научная обоснованность определения указанных существенных признаков административной

² Примечание: понятие «административное наказание» в российском праве аналогично понятию «административное взыскание» в белорусском праве.

преюдиции нашла подтверждение в законодательстве Российской Федерации. Приведенные нормы российских УК и КоАП могут быть с успехом реализованы в белорусских УК и КоАП, устраняя несопряженность уголовной и административной ответственности в данной сфере правового регулирования, создавая дополнительные гарантии для обеспечения законности при применении уголовно-правовых норм с административной, дисциплинарной преюдицией, устраняя почву для принятия на себя Верховным Судом Республики Беларусь функций законодателя.

Противоречит положениям Концепции 2002 г. сохраняющаяся законодательная практика установления завышенных в сравнении со штрафными санкциями уголовного закона размеров штрафных санкций в некоторых статьях Особенной части КоАП, которые по верхнему пределу превышают нижний размер штрафа как вида наказания, установленный ст. 50 УК.

Например, размеры штрафных санкций ч. 1 и 2 ст. 18.25 КоАП, подвергшиеся недавней корректировке Законом Республики Беларусь от 19.07.2016 № 407-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях», изменились в сторону ужесточения по верхнему пределу соответственно с 8 до 45 базовых величин и с 20 до 50 базовых величин [25].

Не обеспечивают реализацию принципов справедливости, ответственности и законности положения ч. 1 ст. 6.5 КоАП, предусматривающие наложение административного штрафа в процентном либо кратном отношении к стоимости предмета совершенного административного правонарушения, сумме ущерба, сделки либо к доходу, полученному в результате сделки.

Отсутствие в КоАП критериев определения указанного процентного или кратного отношения к стоимости предмета совершенного административного правонарушения, сумме ущерба, сделки либо к доходу, полученному в результате сделки, неурегулированность вопроса о применении этого вида штрафной санкции в случае привлечения к административной ответственности по совокупности административных правонарушений или их повторности (тождественных, однородных или разнородных административных правонарушений) являются благодатной почвой для субъективизма в определении размера налагаемой штрафной санкции.

Наличие указанной правовой неопределенности не позволяет лицу, привлекаемому к административной ответственности, отстаивать свои права и законные интересы, поскольку при решении этих вопросов приходится обращаться к нормам-принципам, использование которых не принято в национальной правоприменительной практике за исключением практики деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь. Решение указанной проблемы видится в установлении в КоАП правил применения этого вида штрафной

санкции с перечислением обстоятельств, подлежащих учету при ее назначении, с установлением максимальных размеров («потолков»), которые бы не превышали минимальный размер штрафных санкций, предусмотренных в УК.

Остаются несогласованными между собой нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК), УК и КоАП, регламентирующие применение конфискации имущества и специальной конфискации. Реформирование в этой области правового регулирования, где сопрягаются нормы гражданского, уголовного и административно-деликтного права, должно осуществляться посредством изменения правовой природы конфискации имущества. Этот вид наказания и административного взыскания должен быть трансформирован в меру уголовно-правового (административно-правового) характера, не являющуюся наказанием (административным взысканием). Ее применение по уголовным делам и делам об административных правонарушениях должно осуществляться только судом [26; 27].

Не получила должного решения в законодательстве Республики Беларусь проблема применения такой меры административно-правового принуждения, как приостановление деятельности индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, — меры государственного принуждения, применяемой при выявлении нарушений законодательства в определенных законодательными актами случаях специально уполномоченным контролирующим (надзорным) органом или судом исключительно в целях обеспечения национальной безопасности, охраны жизни и здоровья граждан, охраны окружающей среды. Правовая природа этой меры государственного принуждения не определена до сих пор.

В решении Конституционного Суда Республики Беларусь от 25.05.2016 № Р-1034/2016 «О правовом регулировании приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» признано необходимым устранить правовую неопределенность в конституционно-правовом регулировании приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

По мнению Конституционного Суда, правовая неопределенность законодательного регулирования отношений, связанных с приостановлением деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, может приводить к нарушению прав субъектов хозяйствования, поскольку право на судебную защиту включает не только право на обращение в суд, но и гарантированную государством возможность получения реальной судебной защиты, а также конкретные гарантии оценки законности действий (бездействия) уполномоченных субъектов с точки зрения соблюдения ими норм законов, обоснованности приостановления деятельности, то есть его соответствия конституционным требованиям справедливости, соразмерности, а также правовой безопасности.

Как указывает судья Конституционного Суда Республики Беларусь Л. Г. Козырева, установление судебного порядка приостановления деятельности юри-

дических лиц и индивидуальных предпринимателей в сфере правоотношений, связанных с административным приостановлением деятельности, будет способствовать повышению уровня защиты прав субъектов хозяйствования, которые будут иметь возможность реализовать свое право на судебную защиту посредством компетентного, независимого и беспристрастного правосудия [28].

Имея в виду приведенные соображения, Конституционный Суд предложил правительству подготовить соответствующий проект закона о внесении дополнений и изменений в КоАП, ПИКоАП и иные акты законодательства, связанные с правовым регулированием приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и внести его в установленном порядке в Парламент [29].

Поставлена не только задача легализовать в КоАП и ПИКоАП приостановление деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в качестве вида административного взыскания и меры обеспечения административного процесса, но и задача выявления актов законодательства, связанных с правовым регулированием приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, и одновременного приведения их в соответствие с предполагаемыми изменениями и дополнениями, вносящимися в КоАП и ПИКоАП.

Такой подход Конституционного Суда к совершенствованию законодательства соответствует принципу нормотворческой деятельности, нашедшему закрепление в ст. 7 Закона № 361-З, обязывающего осуществлять системный и комплексный подход к правовому регулированию данной сферы правоотношений, использовать системный пересмотр законодательства в сфере применения приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Представляется, что при исследовании рассматриваемого вопроса Конституционный Суд не должен был, ориентируясь на поступающие обращения, замыкаться только на административно-правовых аспектах приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Как отмечено выше, нарушение субъектами хозяйствования правовых предписаний может вылиться и в совершение преступлений.

Например, к их числу могут быть отнесены: нарушение требований экологической безопасности в процессе эксплуатации промышленных, научных или иных объектов (ст. 265 УК), загрязнение либо засорение вод (ст. 272 УК), нарушение правил производственно-технической дисциплины или правил безопасности на объектах использования атомной энергии (ст. 301 УК), нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов (ст. 320 УК), выпуск на товарный рынок либо реализация потребителям недоброкачественной продукции, заведомо способной повлечь заболевания или отравления людей, или заведомо загрязненной радионуклидами сверх допустимых уровней (ст. 337 УК).

За совершение перечисленных преступлений несут уголовную ответственность руководители и иные уполномоченные лица организаций или индивидуальные предприниматели. Одновременно в отношении субъектов хозяйствования в соответствии с действующими законодательными актами может применяться и приостановление их деятельности. Как указывалось выше, правовая природа такого приостановления деятельности в законодательстве республики не определена. Соответственно, законодателю следовало устранить правовую неопределенность применения таких мер не только в связи с началом и ведением административного процесса по делам об административных правонарушениях, но и в связи с началом и ведением уголовного процесса по уголовным делам об указанных выше преступлениях. Для этого следует внести соответствующие изменения и дополнения в УК, УПК и УИК или только в УПК [30].

Самые общие направления развития законодательства об административной и уголовной ответственности отчасти определены в Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 (далее — Концепция 2010 г.), в которой, в частности, предусмотрено:

- расширить практику освобождения лиц, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие преступления, от уголовной ответственности в связи с привлечением к административной ответственности;

- усовершенствовать процессуальный порядок принятия решений об освобождении от уголовной ответственности в связи с привлечением лица к административной ответственности [31].

Беларусь не намерена отказываться от такого вида юридической ответственности, как административная ответственность. Она не видит оснований для неприменения административной ответственности как в отношении физических, так и юридических лиц за совершение преступлений. Существующее состояние регулирования административной и уголовной ответственности в Концепции 2010 г. не ставится под сомнение, предусматривается лишь совершенствование порядка привлечения к административной ответственности физических лиц за совершенные ими преступления и придание этой практике более масштабного характера, что, как указано выше, едва ли согласуется с принципами административной и уголовной ответственности.

Среди других мер, направленных на гармонизацию правового регулирования уголовно-правового воздействия и административно-правового принуждения в виде административной ответственности, можно выделить, в частности:

- ограничение случаев установления административной ответственности иными законодательными актами, кроме законов Республики Беларусь, вносящих изменения и дополнения в КоАП;

– исключение положений, устанавливающих возможность привлечения к административной ответственности в силу правопреемства (ч. 4–6 ст. 4.8 КоАП) то юридическое лицо, которое не совершало административного правонарушения [32, с. 21; 33, с. 7];

– уточнение определения вины юридического лица, а также введение определения невиновного совершения деяния, в том числе с учетом неясности или неточности правовых норм, лежащих в основе административной и уголовной ответственности за административные правонарушения и преступления, предусмотренные статьями Особенной части КоАП и УК с бланкетной диспозицией;

– установление штрафных санкций в КоАП и УК дифференцированно в зависимости от уровня дохода категорий правонарушителей (физических и юридических лиц). Потенциально высокий объем оборотных средств юридического лица не может служить основанием для введения и применения к юридическому лицу существенных по размеру штрафных санкций, в том числе ввиду негативных социальных последствий для потребителя, поскольку экономические издержки (в том числе штрафные санкции) зачастую включаются в себестоимость услуг [34];

– введение в УК такого вида наказания, как лишение специального права, схожего с административным взысканием, предусмотренным ст. 6.8 КоАП [35].

Список цитированных источников

1. Лопашенко, Н. А. О коллизиях между Уголовным кодексом и новым административным и уголовно-процессуальным законодательством / Н. А. Лопашенко // Пять лет действия УК РФ: итоги и перспективы: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф., состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, 30–31 мая 2002 г. — М.: ЛексЭст, 2003. — С. 151–159.

2. Студеникин, С. С. Советское административное право / С. С. Студеникин, В. А. Власов, И. И. Евтихийев. — М.: Юрлитиздат, 1950. — 345 с.

3. Ямпольская, Ц. А. Об убеждении и принуждении в советском административном праве / Ц. А. Ямпольская // Вопросы административного права и финансового права. — М., 1952. — С. 15–28.

4. Власов, В. А. Советское административное право / В. А. Власов, С. С. Студеникин. — М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1959. — 535 с.

5. Еропкин, М. И. О классификации мер административного принуждения / М. И. Еропкин // Вопросы административного права на современном этапе / под ред. Ю. М. Козлова. — М., 1963. — С. 60–69.

6. Козлов, Ю. М. Административное право России / Ю. М. Козлов, Л. Л. Попов. — М., 1999. — 320 с.

7. Цуран, А. А. Проблемы классификации мер административно-правового принуждения / А. А. Цуран // Право и политика. — 2007. — № 11. — С. 44–49.

8. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2002. — № 46. — 1/3636.

9. Лукашов, А. И. О некоторых положениях Общей части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях 2003 года / А. И. Лукашов // Юстиция Беларуси. — 2003. — № 5.

10. Марчук, В. Соотношение норм нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях с нормами Уголовного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс]: [по состоянию на 17.05.2007] / В. Марчук // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

11. Шилин, Д. Формирование рисков криминогенного характера при конструировании норм деликтного законодательства / Д. Шилин // Законность и правопорядок. — 2012. — № 4. — С. 24–29.

12. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2000. — № 7. — 2/136; 2002. — № 7. — 2/830.

13. Москалюк, О. И. Проблема двойной ответственности юридического лица в практике применения законодательства Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: [по состоянию на 08.09.2010] / О. И. Москалюк // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

14. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2012. — № 44. — 6/1143.

15. Крамник, А. Коллизия статьи 86 УК, КоАП и ПИКоАП Республики Беларусь / А. Крамник // Юстиция Беларуси. — 2008. — № 5. — С. 29–33.

16. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2010. — № 300. — 2/1750.

17. Сорокин, В. Д. Парадоксы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / В. Д. Сорокин // Правоведение. — 2004. — № 3 (254). — С. 4–28.

18. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2010. — № 289. — 6/947.

19. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2008. — № 249. — 6/710.

20. Лукашов, А. И. Комментарий к статье 32 / А. И. Лукашов // Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / под общ. ред. А. В. Баркова. — Минск: Тесей, 2003. — 1200 с.

21. Лукашов, А. И. Административная преюдиция: проблемы соотношения уголовной и административной ответственности / А. И. Лукашов // Юридическая ответственность: проблемы теории и практики / под ред.: В. А. Кучинского, Э. А. Саркисовой. — Минск: Академия МВД РБ, 1996. — С. 78–89.

22. Сидоренко, Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения / Э. Л. Сидоренко // Журнал российского права. — 2016. — № 6. — С. 125–133.

23. Собрание законодательства Российской Федерации. — 2013. — № 30 (Часть I). — Ст. 4029.

24. Лукашов, А. И. Уголовная ответственность за злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения: учеб. пособие / А. И. Лукашов. — Минск: МВШ МВД СССР, 1990. — 66 с.

25. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 22.07.2016.

26. Лукашов, А. И. Конфискация имущества: нужна ли реформа? / А. И. Лукашов // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологическо-социологических исследований / под ред. Н. А. Лопашенко; Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. — Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011. — Вып. 6. — С. 79–83.

27. Лукашов, А. И. Конфискация имущества: ограничение применения или изменение правового статуса? / А. И. Лукашов // Юстиция Беларуси. — 2016. — № 4. — С. 33–42.

28. Козырева, Л. Г. Комментарий к решению Конституционного Суда Республики Беларусь от 25.05.2016 № Р-1034/2016 «О правовом регулировании приостановления деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Электронный ресурс]: [по состоянию на 28.07.2016] / Л. Г. Козырева // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

29. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — 01.06.2016. — 6/1540.

30. Лукашов, А. И. К вопросу о приостановлении деятельности юриц и ИП / А. И. Лукашов // Юридический мир. — 2016. — № 7. — С. 63–70.

31. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2011. — № 1. — 1/12207.

32. Морозова, Н. А. Административная ответственность юридических лиц: история, теория, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н. А. Морозова. — Екатеринбург, 2004. — 22 с.

33. Чапурных, Я. Н. Административная ответственность юридических лиц в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Я. Н. Чапурных. — М., 2009. — 23 с.

34. Шилин, Д. В. Формирование рисков криминогенного характера в законодательстве, регулирующем хозяйственную (экономическую) деятельность [Электронный ресурс]: [по состоянию на 19.07.2016] / Д. В. Шилин // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2016.

35. Лукашов, А. Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и лишение специального права в белорусской системе наказаний / А. Лукашов // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения: сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. — Минск: БГУФК, 2010. — 484 с.